

СМЕНА

XX
191
T

ЯВЛЯЮЩАЯСЯ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ

ОГМЗ — Молодая Гвардия 1930

33

10 коп.

Карта интервентов бита

Вредители
плахируют прорыв,
А мы в ответ,
стократно сердцем вспрянув,
Башню
враждебной гидре отрубив,
построим тысячи
строительных госпланов.

Расстрелять предателей—
агентов кровавой собаки
Пуанкаре!—требуют трудя-
щиеся всего мира.

**УКРЕПИМ
МЕЧ
ДИКТАТУРЫ
ПРОЛЕТАРИАТА
—ОГЛУ**

Дадим социалистическому
строительству новые сотни
тысяч ударников.

Что скрыто под этой картой?
Новый поход против СССР,
новые сотни тысяч смертей!
См. 4 и 5 стр.

БОЛЬШЕВИСТСКИМИ ДЕЛАМИ РАПОРТУЙТЕ ДЕВЯТОМУ СЪЕЗДУ КОМСОМОЛА

ТВЕРЬ. Мобилизация комсомольцев на работу в Подмосковский бассейн закончена. Разверстка, данная МК в 50 человек, проведена с превышением: едет 60 человек лучших комсомольцев-ударников, из которых 70 процентов имеют производственный стаж свыше 3 лет.

НОВОЗЫБЕНСК. По инициативе комсомольцев Новозыбевского района, Западной области, организована новая артель имени IX съезда ВЛКСМ. Артель ставит своей целью — к IX съезду комсомола втрое увеличить число колхозников.

ХАРЬКОВ. Силами комсомольцев и рабочей молодежи Харьковского паровозостроительного завода готовится в подарок IX съезду ВЛКСМ трактор, который будет выпущен вне заводской программы. Создан штаб борьбы за снижение себестоимости. В цехах установлены сигнальные посты.

Ударная бригада им. IX съезда ВЛКСМ на фабрике № 7 Московшей.

ХЛЕБНАЯ. В подарок девятому съезду ВЛКСМ кантонарагвайская организация комсомола (Казанстан) сдала красными обозами 3 500 центнеров хлеба.

ЛЕНИНГРАД. В результате встречного го качеству на Ижорском заводе кривая брака резко пошла вниз. Комсомольская смена трубоарезного отдела снизила процент брака до 1,42 вместо недавних 3,5. За последнюю пятидневку брака в работе комсомольской смены не было.

ЕНОТАЕВСК. Енотаевская районная конференция комсомола объявляла к IX съезду удвоить ряды организации за счет рабочей, батрацкой и лучшей части колхозной молодежи. Организация мобилизована на завершение сплошной коллективизации к весне 1930 года.

План хлебозаготовок выполнен полностью.

На снимках:
Слева: Ижорская бригада, обслуживавшая ударный поезд Вологда — Архангельск.
Справа: Хлебный обоз молодежи с Ч. я. тыль в бригады в Ростов.

Нельзя,
забыть нельзя,
нельзя забыть,
нельзя,
Хотя наш лютый враг
сидит в тюремной клетке,
Что яростный Рамзин
и все его друзья
Ломали ребра
цифрам пятилетки.

ЕГОДНЯ
МЫ ТРЕБУЕМ КТО С НАМИ?
РЕШИТЕЛЬНОГО ОТВЕТА

СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ УДАРНИКАМ

Рассказ Я. Шведова Рис. В. Люшина

25 ноября три смена стана «ПРИМ» объявили себя ударники и дали обещание выпилить месячные планы выработки в двадцатипятидневный срок.
27 ноября, исторически объявив себя ударным цехом, 70 моторов фаново-литвенца объявила себя ударным цехом и обязалась снять собственным ст. на тридцать процентов выше всех ударных бригад иет первая ударная смена под руководством Денискина. Они выполнили план месячного задания в тридцатидневный срок.

Денискин отложил на грузный стол заводскую газету и шагнул к своему стану, находившемуся в ремонте.

Над станинами звенела, где навалила, цепь. Кран опуская к рулю походя на морской двухвалный якорь. На хольцах извивались жмыги стальных тросов. Манухин, работавший со смеями на ремонте, проворно поднял тросы под шквы вальцев и махнул рукой. Вал спокойно поднялся вверх. Гудели моторы крана, как вечером в колодах разстроженные пчелы. В станинах и на полу сверкали подшпинки.

Кран отстоял вальцы за цепь, где их принимал Тюрин, тот самый, который настойчиво требовал введения сладельных в ударной бригаде.

Кран бережно, как мать ребенка, опустил на помост вал. Сверху крановщик казался, что вал вплотную осел на настид и он стал подталкивать вверх цепь: Озабоченно Тюрин крикнул:

— Оттягай!

Ремонтные рабочие засмеялись:

— Вот чортушки-матушка. Два года работает здесь, а по-нашему говорить не научился. Никогда не скажет крановщику: «сажай». Затвердил свое деревенское: «оттягай». Деревня-матушка!.

За Тюрина заступился Манухин:

— Что за мужика шпалит! Деревенскому трудно себя переломить. Мы все тоже деревенские. Только мы с малых лет в городе живем. А деревенские — они долго деревенскими бывают.

Кран уныло за валом вал. Рабочие синими муфты и подшпны вили. Макинист чистил ролик.

Денискин пошел к разрозненным вальцам.

Над голою Денискина кружились, как истреб, крок крана. Манухин закрепил тросы; вал качнулся перед глазами Денискина и стремительно отпал к печам.

— Уставил вальцы, Виталий! закрепил верх станин. Готовился к прокатке угольного железа.

— Утром вальцами прошла первая полоса и закачалась весы подьемных столов.

Первая обиванка прошла мимо Денискина и была подхвачена крюками вторых вальцовщиков. Полоса отпала от стана и легла у пыли, подставив голову под крутящиеся лезвие. Сверкнула, как искры, горячие опилки. Пила наступила на железо. Она вылезала из станин, как улитка из раковины. Распильн, взвизывая, пила уходила опять в станины и терпеливо поджидала новую полосу. В кавале под пилотой от быстрого хода кипела грязная вода.

Полосы сверкали перед глазами Денискина. Вот еще одна прошла мимо него. Си приподняла ее конец и сувила в вальцы. Полоса ушла и на третьем ряду стана наступило короткое затмение до прихода второй полосы.

Денискин давно ждал бальванку, но бальванки не было. От пчелки врибелая рабочий:

— Денискин, иди скорее к пеще. Манухин тебя ждет.

Бальвовник отбросил клещи и пошел за рабочим. Мастер горнично говорил подбочничкам, пытаясь в чьето убедить их.

Завидя Денискина, Манухин обрадовался:

— Нам-то тебя и надо. Миша, гудобчик, обожидте чуть работать. Опять простой. Резка не успевает за вами, Угловое железо править надо!

— Как не успевае? Все время успевала. Не первый денек работаем по-ударному. Новых рабочих на резку не приходило. Должны успевать. Поидем, Манухин, разузнаем, что на резке вышло.

Мастер и вальцовщик подошли к пилам. Сверкнула, отгнавая си-невой, лезния пила, а перед ними лежали остающиеся полосы угольного железа. Денискин спросил у крющенника Акимова:

— Почему такая задержка получилась? Полосы остыли? Теперь их не выпарить! Под браковку пошла.

— Никакой задержки не было, — ответил Акимов.

Денискин удивился и, показывая на полосу, сказал:

— Как нет? Питье полосе пропала, а у него задержки нет. Нашу смену как лучшую в заводской газете расхвалили. Листопрокатчики круто завязали. Хотят нас переиграть. Почему столько времени работали и никаких задержек из-за резки, а теперь — на-те, пожа-луйста! Ты знаешь, Манухин, — обратился к мастеру, сказал Денискин, — кажется мне, что наряду у них нехватает. Может что по бюлетеню изготовил? Да не может этого быть, с утра справлялись, а под вечер задились.

Денискин и Манухин быстро сосчитали рабочих, занятых на под-таске и резке, и Денискин, зло улыбаясь, спросил у Акимова:

— А народуют-то у вас как-будто и неостаток?

— Акимов и все резчики знали, что у них нехватает дух человек, но не хотели говорить об этом, не желая выдавать ушедших товарищей. Теперь все равно не скрыть отсутствия двоих и резчик сказал:

— Вот оттого и задержка вышла, что двое человек нет. Все время были, потом пропали, как я воду ханули. Я хотел сказать тебе об этом, да ты... и Акимов, не договорил, махнул рукой и ото-шел, размахивая крюком.

— Не знаю. Все время были, а потом пропали. Я говорил.

— А показуй ли ведь не управиться! — сказал мастеру Денискин. Манухин взвизнул свободный крик и встал в середину крющен-щиков.

— Ну я побегу к стану. Там наверное ребята тоже меня ждут! — крикнул Денискин мастеру, который вместе с крющенником тянул к пиле полосу. — Заждались.

Резчик, выволив пилу из станин, сказал Денискину, когда он про-ходил мимо него:

— Бригадир, а бригадир... Я видел, как Тюрин и Федоров поти-хоньку кула-то прошли. Оба с узелками. Не в баню-ли случайно?

Выважая озабоченная пила, наступая на железо. Неправильные полосы все больше покрывались синим налетом. Машина и люди подавали новые, горячие. И медленно остывали никому не нужные пила.

«После первого гудка и предупредительной сирены к пилам подо-шли Тюрин и Федоров. Их лица были красны от сухого пара заводской бани.

— Вы наверное речет взяли? — ехидно спросил у них Акимов.

— Нет.

— А почему гуляете? Если даже и уволились бы, должны сооб-щить мне об уходе. Какой же чорз, — проворчал крющенник, — во время работы уходить.

— Мы а бане были.

На торниковской щеле черед как роликна прилжитный лист от вейка.

Крющенник, не отходя от полосы, зло:

— С венником папалось!

— С венником, — ответил Федоров — не знаю, кто его в бане оставил. Ну уж я и попарился, только листья да прутья во все стороны летели. Тюрин боялся, что ему подальше не останется.

— Обожайте, — пригрозила им Акимов, — мы вас, молодчиков, не так допарим. Они там парились с венчиком, а мы тут и без венчика. Пить полос в брук искать приходится. Мы не так еще пропарим! — повторила Акимов, отбрасывая в кучу слезинки обрезок. — Ты чего мне это грозишь? — засмеяно спросила Тюрина. — Мне грозить нечего. Не боюсь!

— Тебе, дураку, не грозят, а учат. И нечего расписывать. Ты в пеху, а не у тещи на банях, — заступался за Акимов, сказав подслепливой Дементьевой. — А на дядю тоже не надейся. Он тебя сегодня не защитит.

Вальцовщики окружили Тюрина и Федорова. Краснощек, прыгая на одной ноге, смеясь, поздравлял их:

— С легким паром, молодчики!

— Обожай звонить, звонящий с пустой колокольни, — остановила его вальцовщик. — Десять зерен, десять дею не в паре, а в деле. Допарить их надо.

— Говаричи, — крикнул Семенов, — давайте об этих любителях крепкого пара поговорим завтра, на общесхово! А сегодня наш бригадник от вальцовщиков и от кроющешников — Акимов сидит в завком. Поговорим. Завкомщики скажут, как поступить с нами. А сейчас по домам. Жрать надо.

... На другой день утром Тюрина и Федоров пришли на работу с опозданием. Кроющешники ждали первую полосу утагового. Акимов строго взглянул на друзей, просто улыбнулся и, подойдя к ним, сказал:

— Придётся вам, молодцы, еще раз в баньку сходить. Домыться или допариться, — пояснил он. — Вчера в завкоме говорили про вас. Нам посоветовали до работы не допускать до разбора вашего дела. На крочьях новые работают.

II

Над подъемными столами и станом клубились облака пара. У ног Дементьева ползла полоса. Ему казалось, что полоса не будет конца. Из-за облака, в разрыве, мелькнуло ситое озлобленное лицо Тюрина. Дементьев совершенно случайно заметил размах руки и пригнулся. Над его головой просвистело что-то тяжелое.

Вальцовщики, сварщики и чернорабочие, работавшие у пещей, услышали, как отчетливо зазвенела сталь отдаления, в котором работала динамо и коверные оси мотора.

— К моторам Тюрина попал, — подумала Дементьева.

Прозвительно, как голодная птичка, завила сирена. Сиренный вой нарастал и затоплял машины. Сирена вала в неурочное время. У пещей прекратили выемку болванок. На миг (так показалась вальцовщикам, работавшим на первом ряду стана) от рева застыли колеса и пилы. Вальцовщики с других станов бросили работу и бежали, послушные реву. Они предполагали, что в пеху случилась большая несчастье. Рабочие бежали, растерянно махая руками.

Так сирены вали только два раза. Первый раз в забастовку, а второй, когда старый вальцовщик, проработавший в пеху тридцать лет, был уволен без предупреждения и бросился на большие маховые колеса этого станка.

Из помещения выбегали дежурные и монтеры. Старший объяснял рабочим.

— Слышу — что-то завзвело. Большое стекло, гляжу — вдребезги. Если б это гайка была, а моторы или в динамо попал бы! Знаете, чем это закончилось? Мессыным простом. Да, простом. Да это — вредительство! — хрипло говорил он, показывая на загонную гайку.

— Ты панику не нагоняй. Что у тебя сирена ревет? Заткну яды ей глотку. Сколько людей от работы оборвала! Тутаник, — ухорада, — показывая на Тюрина, громко сказала вальцовщик, — хотела попасть в Венечку, да промазала.

Дементьев крутил пуговину на борту спедожеды.

— Идй иди в уток, Ванчик, — посоветовала Дементьеву Манухина. — Идй поработать. Надо б тебе с моим палием рассчитывать за такое дело. Да нельзя в яды драки заводит.

Мастер подошла вплотную к Тюрину и укоризненно:

— А негодь ты большой. Достужался. А ты знаешь, Петр, у нас в роду таких еще не было.

Над балками вала, как голодная волчица над оврагом сирена.

III

Тем, за стеклянным помещением отведенного мотором проволочного стана — блеск электрических свечей, заключенных в каждый фонарь. Крутятся летя.

У стана, за пилками, остаются, как окружи от больших павпиров, обреза круглого железа.

... Звенели желтые стелы в дверях красного уюлка прокатки. От темновесных грома подползали рабочие. Некоторые из них, проехи мимо обрезаков, останавливались и приседали на корточках, чтобы прикурить. Ярко вспыхивал унавший на горячие обрезаки табак, освещая бледным светом потные лица присевших на корточках.

Тесное помещение красного уюлка было передано рабочим. Непредельные торопили:

— Давай, начни!

— Скорее!

— Без Тюрина дело решим!

Рабочие кричали и требовали разбора тюринского дела. Некоторые стучали кулаками по ветхим столам. Столы скрипели. Гвозди приподнимались из насинженных гнезд в сухом дереве.

— Прокатка или вальцовка? Вальцовщики или прокатчики? Называй их, как хочешь. Не ошибешься. Не обидишься. Прокатный чех любит крепких и насосисных людей. Звезе у стана и на подъемных столах работали отборные люди. Многие из них в дни своей молодости еще успели поплавать по всем морям на военных кораблях.

Звезе, у пил и станком, работают самые сильные, самые здоровые, упремые, доблестные парни.

Метались среди мятых шпиль ползочников и сварщиков, промсленных кепок вальцовщиков, ватный картуз довоенного образца и фуражка мастера Манухина. Он уговаривал:

— Чуть обждем. Я говорю, что Тюрин придет. Я его хорошо знаю.

Рабочие требовали начала. Представитель завкома уже раскладывал на столе бумаги для будущего протокола и записей в прениях.

Резко упали в зпоне стекла. От сильного размаха рева ударились острой ручкой и, оставив небольшую выбоину в податливом дереве, отошла от стены.

Кто-то крикнул:

— Тюрина, а дверь кто же за тобой закрывает будет? Мальчишек здесь нет!

Тюрина даже не оглянулся. Тогда поднялся Дементьев, прошел и прикрыв дверь.

— Ну что же, начнем? — спросил представитель завкома. — Все как-будто в сборе.

— Давно пора. Давай сразу, выбирай президиум!

Вальцовщики почему-то больше говорили о Тюрине, а о Федорове, пришедшем сюда раньше всех, никто даже и не упоминал. Точно его не было на этом собрании.

Первым взял себе слово Манухина. Он долго и пространно говорил о Тюрине, его деревенском хозяйстве, и не скрывал, что Тюрину ему родня. Мастер настаивал на немедленном переводе рабочих, самовольно ушедших в баню, на работу по двору.

Вальцовщики, сварщики и кроющешники закричали:

— Увольте Тюрина!

— Нам таких не надо!

— Другим будет хороший урок!

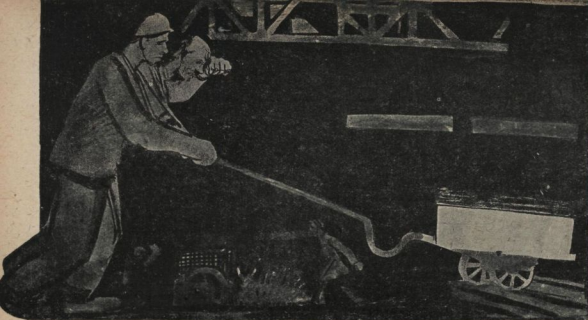
— Не нужно нам таких, которые больше живут в деревне, чем на заводе.

Рабочие кричали. Надмывали охрипший колокольчик. На скамейке появился Дементьев. Он сказал:

— По-моему надо Тюрина уволить. О другом у меня есть другой разговор. К другому можно применить мерку Манухина. Я предлагаю Федорова перевести на работу по двору, а Тюрина уволить.

Сегодня наше слово. Слово представляется ударили. Если еще ударная смена требует увольнения, надо уволить. Я Тюрина знаю хорошо. Мы с ним как-будто земляки. Из одной деревни вышли.

— Уволить? Зря собираетесь. Я сам иंचе в конторе расче́т взял.

Гре́мь сажьками, он вышел из помеще́ния и о́пять не закрыл за со́бой дверь. Де́ниски встали, чтобы́ закрыть дверь. Его́ остано́вили:

— Брось, Бентя́нчик здесь нет, пусть хоть че́рез дверь тюринский запах вы́летит. Вальт-вди́ки улыбу́ндясь. К столу проби́рался Страдае́в

— По то́йте сме́яться. Тюрин ушел, а он ве́дь ме́ня обани́л, что и все обли́гации продал. Я расскажу, как де́ло было. Была же́на у ме́ня больна. Я поше́л в банк задо́жить обли́гации, не все. И «стрелит» там Тюрин. Он то́ же с обли́гациями в оче́редии сто́ил.

— Брось, Страдае́в. Что мы те́бя не знаем, что ли? Мы об э́том потом поговори́м, а почи́сти́ть друг дру́га не вре́дно. Посмотре́ть, ско́лько у кого́ бло́к. А се́йчас ве́зья в одно де́ло друго́е пу́тать — сказа́л Се́миче́в.

... С собра́ния расхо́дились молча. Разо́шлись разны́ми доро́гами по напра́влению к тре́м прохо́дим. По двору́ кру́тились коло́чий снег.

Де́ниски и Манухи́н жили в одном до́ме. Они шли плече́ к плече́, как в строю.

Поды́маясь по ле́стнице вы́дука, Де́ниски спроси́л:

— Ты не се́рдился? Я ве́дь предложе́ние тако́е сказа́л, чтобы́ уво́лить.

— Нет. За что се́рдиться? Я и сам не рад, что связа́лся с ним. С ка́кими гла́зами и заведыва́ющему посе́ такого де́ла явлю́сь? Я ве́дь Пе́тра проси́л сюда́ на рабо́ту. Напроси́л на свою́ шею.

— Нет, Манухи́н, ты на мою́ вопро́с не отве́тил. Я те́бе прямо́ сказа́л, а ты мне не отве́тил. Ты мне отве́ть, не уклоня́ясь. С кем ла́дить бу́дешь? А то́ кой-где масте́ри мешаю́т ударни́кам.

Манухи́н улыбу́ндясь:

— Чу́дак ты, Де́ниски. масте́ра портя́т де́ло ударни́ков те́м, где они́ их пу́таю́т. Раз — и вы́двинут ударни́ка в масте́ра! А масте́ру пу́ть на че́тыре сто́роны. А я в масте́рках, сам знае́шь, то́ же год без неде́ли. Я чу́ть че́го, то́ и к ста́ну.

Подо́шли к трамвайно́й остано́вке. Де́ниски е́ще раз спроси́л:

— Значи́т с нами? Так мы и запи́шем.

Тюрин требо́вал ве́дения сде́льных рабо́т. За́чем тогда́ было́ уволя́ть се́бя ударно́й? У Тюрина бо́гатое хозя́йство. Как ле́то, так к Тюрину теле́грамма за теле́граммой: то «ма́ть при сме́рти», то «же́на поми́рает». Ни́кто у него́ не умира́л и при сме́рти не нахо́дился. Э́то тюринская улы́бка. Тюрину́ ну́жен отпус́к, чтобы́ порабо́тать в дере́вне. А та́ких рабо́чых, как Тюрин, у нас не ма́ло. Тюрину́ заво́д не ну́жен. Ему́ ка́ждую но́чь коро́вки удо́истые сня́тся... И я, товари́щи, предлага́ю: Тюрину́ уво́лить, а Фе́дорову пере́вести.

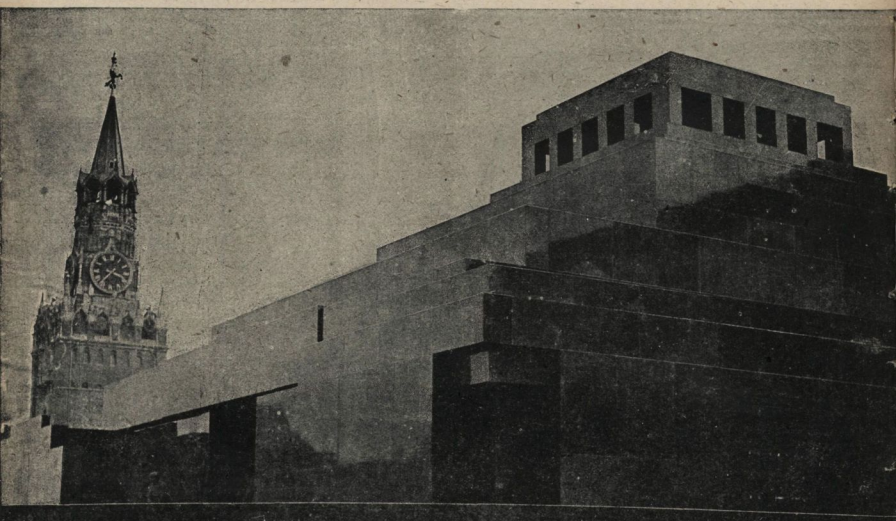
Фе́доров молчал. Из угла́ подня́лся Тюрин:

— Уво́льнением за́пута́ли... Не стра́шно! Пла́кать не бу́ду. В зу́бы, с улы́бочкой, то́ же ни́ одному́ товари́щу га́ялеть не ста́ну. Вы ме́ня за́рамота́ли, а са́ми хоро́ши. Страдае́в на подты́сячи подпи́сался во второ́й заем. Где у него́ обли́гации? Да́вно прода́ны. То́ же созна́тельные уда́рцы. Срамоти́ться вы все уме́сте.

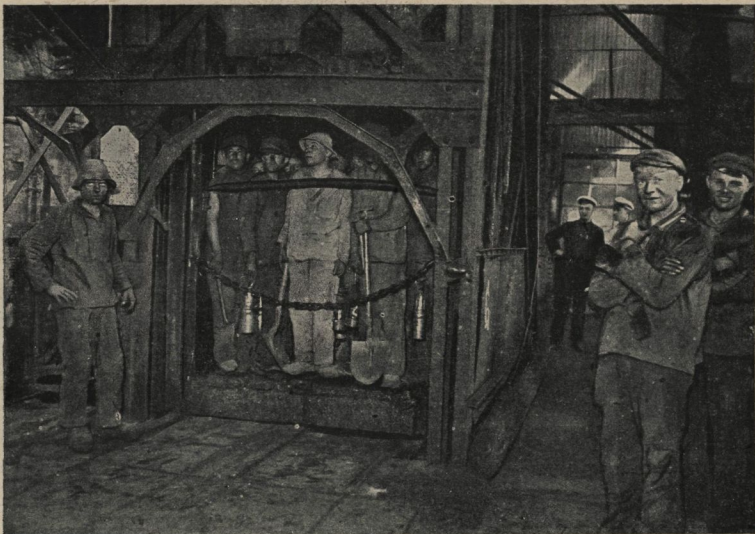
— Запи́ше. Предста́вить звонка́ кри́кну: — На́до ко́нчат э́то де́ло. А Страдае́в по́том в те́кущих де́лах распро́сим! Кто за предложе́ние Де́нискина?

Тигина.

— Над то́пой поды́ался Тюрин:

Поезд спускается в шахты

Фото Ефимов

МЫ МОБИЛИЗОВАНЫ В ШАХТЫ

Ан. Стоянович

На восточном участке 7-й шахты молодые горняки, приехавшие комсомольцы, нарезают новые, свежие хода.

Быстрыми, спотыкающимися шагами проходит по пути несезонные гоночки порожняка. Груз гонят один вагон влоном. Злобно усмеваются люди в шахте: «Белоручки, гуси, вам не работать. Через 2 недели все улетите. У-у, комсомольцы!». Порожничку нет — стоит работа. На перемычке пенится песья.

На песню сходятся горняки. Рассказываются по углам, причудятся в тень.

Кругом шахту обогнали,
На перемычку стали
И не больше получаса
Когонога ждали...
Эй, эй, ждем-пождем,
Когонога ждали!

Вот сдет-сдет конгогов
С порожнями вагонами.
А шахтеры молодцы
В драку за вагонами!
Эй, эй, бей веселей,
В драку за вагонами!
Все вагоны разберем,
Уголь добывать пойдем,
В лавах уголь набивать,
Свою норму выдавать!
Эй, эй, норма жала —
Свою норму выдавать!
Свою норму выдавать —
Пятилетку выполнять!
Пятилетку года в три,
Ай да ребята молодцы!
Эй, эй, шахта, держись!
Ай да ребята молодцы!

Кривятся в улыбки теплые залеженные угольной пылью губы. Смеются глаза. И чуюм: не пропадем, переведем шахту, забукнит¹ шахта острым гудом, и будет вся шахта ударной.

А ведь и впрямь конгогов едет. Звелься крик гонцов под кровлю:
— За второй не берись!
— Стой, мой четвертый!
— Путь не трожь, в богородичную кровлю.

Лязгают цепи. Живо распелен и разобран порожник. Остался один конгогов на штрессе.

— Ну, ворочь, дьявол, на путь!
Снова позванивают цепи. Пошел груз. Наш комсомольский груз-первач.

Трудно рубить упругий пласт. Изжога с веприльками. Отрывисто стучит сердце. Горнички шкелочущими струйками стекает обильный пот на глаза, на затылок, за уши и дальше, по спине, быстро увлажняя рубашку. Липнет угольная пыль. Шкелочет и першит в горле. Хочется опререться о складную ровную раму и освободить натянутое напряжение тела.

Хочется отдохнуть. Но нельзя отмахать. Отдохнуть — значит выехать на-гора без нормы.

А как же выехать без нормы? Ведь одно только сознание, что ты мобилизованный на ликвидацию угольного кризиса комсомолец, заставляет сильнее сжимать непокорный молоток и энергичнее брос-

ками снова и снова направлять его влод пласта, руша и откалывая крепкий, гудящий уголь.

Саоро смена.
Перед сменой всегда стихает шахта. Кучками сходятся шахтеры, перебивая разговор крепким, горьким матом. Стремительно врываются в эти перерывы комсомольские голоса. Мы наставляем на созыве производственного совещания, на привлечении администрации шахты к ответственности за безхозяйственность и разгильдяйство, на усилении борьбы рабочих с техноплачками.

Уже по одному конгоют вагоны молодые неопытные гоночки.

Уже не кажется недостаточной норма и непосильно тяжелой неизменная вагонетка. Врстают комсомольцы-забойщики а новое, такое нужное стране производство. Один врстают, другие уходят, позорно бегут, бросая комсомольские билеты, не будучи в силах итти в ногу с товарищами.

Выход с биса¹ всегда завален. По бису в шахту не лезет, для этого клеть качает. А на-гора выйти по бису — это другое дело.

Ежели что не заладится дома, надо до-мой дотемна поспеть, то добычу напорник² всегда сласт, а забойщик вылезает из качай на все четыре.

Окончанье на 12 стр.

¹ Бис — запасная лестница для выхода из шахты.
² Напорник — работающий в паре с забойщиком.

КОМСОМОЛЬ

С. Серов

На Каме был пролив. Под трескучие фразы и громкие обещания провалился месячник лесоспаса.

Партийная организация, комсомол и профсоюзы не смогли мобилизовать внимание масс на сплав. Месячник был поворотно проведен в сельсоветских и рабочкомовских канцеляриях, не дойдя до масс. Тысячи срубленных деревьев громоздились по берегам уральских рек, притоков многоводной Камы.

Игрался скользкий караван. Из окешек казенок¹ выглядывали заспаные лица сплавщиков. Трудовая дисциплина была чрезвычайно низка. Умыло время ликвидаторских настроений!

Эти настроения давали эффект, которым мог гордиться класс овий враг. От халатного отношения к работе массовая ава-

¹ Стандартная избушка, стоящая на плоту.

риности, право заплыть и лес сплошной черной массой гнало по реке. Лес срывал плоты, коржила мосты и переправы. Бревна попадали в колеса паромов, задерживали движение.

Ночью кулацкие сынки пытались подрубать канаты, но были захвачены врасплох комсомольским патрулем.

К плотам не было дано нужного количества буксиров, а если и давалось, то буксиры простаивали без работы, так как не были снаряжены караваны. Не было рабочих рук.

Лесные командармы-организаторы сплава, говоря шедриным языком, предельно «снисженности правое». Их успокоили успехи лесозаготовок и в горячую пору сплава они жили воспоминаниями прошедших звинных побед. Вместо того чтобы быть тревогу, организовывать массы на борьбу за лес, их манили кавказские дади. В отпуск, на пляжи, бросив дела, мчались лесные оппортунисты.

Телеграфные проволокот гудели о промрые. Капиталистические потребители хотя и кричали о дефинге, но требовали советской древесины. Социалистические гиганты ждали оборудования. Это оборудование мы могли приобрести в обмен на лес. А лес спокойно лежал на берегах.

Люди, работавшие в комнате № 11 на третьем этаже дома № 3/4 по Чернышевскому переулку в Москве, знали об этом. В этой комнате начал 2 октября работать

штаб, официально: лесоспасательный штаб, неофициально: лесоспасательный штаб.

Первое, что сделал штаб, — это дать суду центросоюзостов, срывающих сабжебоочих.

Прокрутор республиканского встречу. Иначе и не мог

Москва Комсомольская соштаба.

Усье 22/X 11 Илья сплав лесосплавщиков Нет сплав протоваров в бом тчи Обещанные протовары не дошли ничего не дал Урмамного снабжения тчи.

Штаб асасла. Штаб телеграфные проволокот графты привычно отби

Архангельск 1/XI 2. са развалилась. Никто ми вопросам не интересны в выподию руководство.

Пермь 27/X 15 Песеле ки комсомол стал ильские массы ведут На лесобирже ежене субботники тчи. Спец

На пустой площади д чал бас радиопора. Б Пермь сплав. Ресактыс адионеров и ночных в его не слышали, потому

СКАЯ ПЛАВЬ

Монтаж фото В. Степановой

то пропустишь, смотришь, опять прорыв! Пусть каждая организация смотрит, как у нее с десом. В роде как взять шефство. Я бы попросила тебя написать об этом. Я, Нина Пирогова, из рабфака.

Конечно мы не улупим. Мы не улупим больше прорывов! С верховья Камы прут последние кошелки. При тусклом свете ноябрьского дня, ночью в тумане и темноте идут караваны зеленого золота.

Люди показаны на реке большевистские тямпы. (Сплав закончен, почти 6½ млн. кубометров для страны вывезена этого года. Сплав закончен только с помощью пролетарских масс и комсомола. Комсомол занял ведущее место в компании. Уральский комсомол идет к IX съезду закаленный в военных и хозяйственных боях.

...союзный штаб сопри «Комсомольской

...штаб: просиял преобладающий оппортунистический оттенок сплавных работ. И пошел штабу наголову быть, если:

...ская правда Начале-

...нская кооперация... ов снабжения тчк... в тчк. Перебой кле... Центросоюзом...и Уралгидрострой...и рабочего мест.

...б руководил. Гудели...ки. Ударники теле...бывали код.

2. Ячейка Североле...го производственны...тересуется. Приняты...ются. Надо сменить

...е некоторогастрит...интенсивнее. Комсо...шторм сплава тчк...ленно комсомольске...ежкор Серов.

...дикое и глухо ур...Было 2 часа ноч...тый бас ушел ми...воров. Трудящиеся...му что он начиная

орать слишком поздно. Еще неизвестнее было радио рабочим сплава. Ведь ни одной радиоустановки в районе сплава и выгрузки не было.

Когда горло спит под колыбельные песни Свердловской радиостанции, берет зримо осенний характером. Выгрузка идет круглые сутки. Крутые сутки тяжелые и неулюбимые как сомы бревна дезут на воду.

Снег, ветер—работа вдвое тяжелее. Востеро и впятеро она тяжелее, когда после 7-часового рабочего дня идешь на комсомольский субботник.

★
Электростанция 40 чел. 20/X после работы на участке № 4.

Пермодежды 40 чел. 20/X после работы на участке № 4.

Слыто-одолжную 30 чел. 20/X после работы на участке № 4.

Красная армия 100 21/X после работы на участке № 4.

Профшкола Служка 150 22/X Усть Обва.

Таков план районного комитета. В октябре он проведен в жизнь. И так каждый день до окончания прорыва пока ни одного бревна не осталось под водой, пока штабеля выгруженной древесины выросли на берегу, а Магнитострой, востковские, бендюжские заводы получат свои заказы.

★
— Я бы выдвинула к съезду такое предложение: не упускать лес нам из виду. А

МЫ МОБИЛИЗОВАНЫ В ШАХТЫ

Окончание. Начало см. на стр. 9

Это называется самовольный уход с производства. Старый горюк по закону не ходит. Рвач, лодырь, прогульщик — друзья биса.

Подружились с бисом и часть мобилизованных комсомольцев.
Опустится два комсомольца пополам: сейчас по шутке услышишь: «Комсомолю, ударины, опадавают на роостом; это не на заводе, не вычтут».

Скует утомленные непривыкшие тело, подастся ему парень и—айда на-гора по бису, а везд неестся.

Гавны, ударнички-то по бису на-гора бегают... Скоро, скоро все убеките—не Москва это, не уиаша!

Не сразу освоенны ребята в шахте. Пока осмотрелся, гавнь, авторитет уже подможен. Тут и прогулы, опоздания, самовольный уход с работы, спяние в забоях, злостная симуляция.

Не может парень нарубить больше 5 вагонов в смену. Не получается у него что-то; то молодой не работает, шланга дымрывает, забой испорчен, порожняк нет, закрепить некому; в общем все одно к одному.

Ребята уже по одиннадцати согнали, а ошпаль.

Домой придет ребята, как черны черные, даже в белра вьдетается угольная пыль, а ему что: потрет шейку да ушки и чистый. Были у нас такие ребята. Вспоминаеть не хочется. Много нагаданий нам. А сколько еще осталось таких в комсомоле...

★

Слабые у сильных в ногах лутаются, на коду мешают.

Есть разные слабости. Бывает, ослабел человек, подсобки просит, но видно—хочет работать, хочет у сильного силы занять, научиться ее беречь, распределить умело. А другая слабость: соли и ходит что рудничку, чмичет, подывает: «Не мгу работать, злорече потерял, жрать нечего, дома семья голодает, раздетый хоужу». И каждый день все одно и то же.

Как ехали, все были сильные. С оркестром встречали блик рудничка. Чувство, горы свернем, в два дня прорыв ликвидирем. А на деле другое ушло.

Прежде всего слабые вырали: «В шахте не могу, значит и на руднике делать нечего». За ними подкасы комсомольский молодецки, недавно пришедшие в комсомол чювые люди. Они-то главным образом и бросали комсомольские билеты. Организация не стала для них главным в жизни. Комсомол же не сумел воспитать в них ленинскую непримиримость, твердость большевистскую, стойкость и выдержку в тяжелой борьбе.

Но был грех, большой грех на комсомольских стартерках.
Спутин, Гусев, Бугайский, Едаков, Гусев, Иванов сади перед трудностями, и на эти ребят, на «старичков» наших, всей тяжестью ложится позорный груз дезертирства.

Комсомольский актив оппортунистически отнесся к этим фактам. Обсуждая вопрос об отпуске ребят с работы, активисты колебались, голосовало половина на половину, и перевесом 2-3 голосов отпустили людей, а сами искали случая последовать за ними.

Мобилизация—лучшая чистка и проверка наших рядов. Сейчас на уголь едут новые сотни и тысячи комсомольцев.

Каждый из них должен повернуть свою боееспособность, свой политический багаж, и если где заето, то скажи лучше здесь, в райком, о том, что еще не научился отдавать жизнь революции или боишься это сделать.

Скажи лучше прямо, парень.

Нитяков и дезертиров на фронте не надо.

МАШИНИСТ УХТОМСКИЙ

Из поэмы Алексева-Гая

Приказ. По лейб-гвардии Семеновскому полку № 349. 16-го декабря.

Сегодня по Казанской дороге и поселям Назначается карательный поезд-отряд. Начальник отряда—полковник Римин.

Цель: вырвать полосу отчуждения

Из рук мятежников. Необходимо

Взять: главарей, допуская окружение.

Движение восстанавливать предельно быстро.

Но в случае причинения неприятель потер.

Каждый дом, из которого выстрел,

Уничтожать огнем артиллерии.

Форма всего состава паразина.

Общие указания: без всяких заминков,

АРЕСТОВАННЫХ НЬ ИМЕТЬ

И ДЕЙСТВОВАТЬ БЕСПОЩАДНО.

Фангел-действительный

Подковник МИН.

Из рук застав

Куда уйти?

Как к горлу нож,

Пристал вопрос...

Но есть состав,

Но есть пути—

Ухтомский сам

На паровоз.

Пошди хлестать...

Пути пусты:

Мингет верста—

И нет версты.

«А сади страх кламкастый

И все густее стон—стон

Костей состава в сто тонн.

И эта сталь, и стук, и свист

Частит, как вх сердца...

«А путь (заметна машинист)

Штыками замерла...

.....

Огонь взметнулся наперез,

Уже за очью он перелез.

Прорваться надо—за цель, за жизни!

Свисток: «по вагонам все ложись».

Лица обстрел тревогой выбелил,

Руки кочера уже устали.

На последние усилые тысячной погибелью

Выгнулось—и тут отстали!

Пост, шлагбаум, платформа

«Люберцы»—

И голос организатора:

— Расходится:

Наше СЕГОДНЯ губится,

Но верьте

нашему «ЗАВТРА».

В середине декабря 1915 г. было подавлено восстание московских пролетариев. Красная Пресня дымилась в огне. Правительством послано на расправу с революционерами карательные экспедиции. На железной дороге свирепствовал отряд гвардейцев-семеновцев под командой полковника Римина. Полковник получил приказ генерала Мина: «Арестованных не иметь. Действовать беспощадно». Приказ выполнялся в точности. Среди распреянных—был машинист Ухтомский, под обстрелом умишавший на паровозе московскую боевую рабочую друнину. Он развил бешеную скорость паровоза. Дружинники спаслись. Ухтомского арестовали. Перед расстрелом он сам рассказал палачам о своем подвиге и гордо закончил свой гаскаас словами: «Все спаслись—вам не достать их!»

Прощальное письмо Ухтомского жено перед казнью

Прощай мой дорогой
Саша!
Мои и твои любимые
дорожки ждут и
попытаются ил за мной,
а мать—же и старички,
и упрости, что все так,
св. твоей же упрости,
хотел я и вильнуть
моя дорожка,
прощай, Саша,
Девки оставлю
1914 г. 14/12

За упрости, мой дорогой,
ты все получишь. Прощай
в Москву направи
попытаются ил за мной,
а мать—же и старички,
и упрости, что все так,
св. твоей же упрости,
хотел я и вильнуть
моя дорожка,
прощай, Саша,
Девки оставлю
1914 г. 14/12

Зайцевский.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ О „МОЛОДОЙ РОССИИ“

«Поимому пророческого прелращения формы будущего переворота и его цели, прокламация злоупотрепит еще тем, что она также правильно предугадывает и многие отдельные меры РСФСР... Вообще «Молодая Россия» во многом является замечательным пророчеством» (Покровский «Русская история в самом сжатом очерке», части 1 и 2-я, изд. 1921 г., стр. 202).

«...с волюю верю в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой выпало на долю первой осуществившей великое дело социализма, мы издадим один крик: «В торю», и тогда — тогда бей императорскую партию не жалей, как не жалей она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам».

«Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против, кто будет — тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами» («Молодая Россия».)

Из революционного прошлого

„МОЛОДАЯ РОССИЯ“

А. Ломов

14 мая 1862 г. на московском почтамте было задержано 4 пакета, отправленных из Петербурга на имя разных лиц в Харьков, Нежин и на станцию Сиховый Руд. Это был московский оберпрокурорство — крейды некоего генерал-губернатору, что «с 18 числа этого месяца неизвестные лица начали разбрасывать на бульварах и у подъездов домов возмутительного социального содержания воззвание под заглавием «Молодая Россия».

17 мая министр народного просвещения Гольвин представил в III отделение подученный им по городской почте «экземпляр воззвания, в котором не знаешь, чему больше удивляться: преступности или безумию».

18 мая один московский дячок нагнал близ кремлевского сада и принес митрополиту Филарету «страшную бумагу», в которой проповедаются безбожие, матеж и кровопролитие».

В то же время и петербургский митрополит Исидор не был обойден вниманием; на полученном им экземпляре к тому же красовалась надпись: «Господин Исидор! Отслужив панихиду по Романовым, не поезжай, а впрочем — мот с тобой».

«Молодая Россия» быстро и энергично распространилась в Москве, Петербурге и провинции. Кроважидное содержание ее, таинственная подпись под ней — «Центральный революционный комитет», неуловимость ее авторов и полная неведомость о силах противника вызывали большое смятение в правительстве. Но «Молодая Россия» завоевала не только правительство и реакционеров, но и либеральную часть общества. Впечатление от прокламации усилилось разразившимся в то время в Петербурге пожаром, которые все присылали тогда же Центральному революционному комитету. Естественно, что и обещание авторов прокламации «не испугаться», если «для исправления современного порядка придется пролить второе больше крови, чем пролило якобинцами в 90-х годах», и грубый призыв воззвания «В торю», и лозунг «кто против нас, тот наш враг!» — все это не могло не ужаснуть не только царя и его слуг, но и либералов и в известной части радикальную интеллигенцию. Пожары же заставили дрожать либералов и за собственную жизнь и имущество.

Правительство конечно постаралось и сумело использовать панику, охватившую во время пожаров общество, чтобы того, чтобы провести в жизнь ряд репрессивных мер, открыто становясь на путь реакции.

Вот почему, между прочим, авторы «Молодой России» нашли себе строгих судей даже в революционной среде. Герцен считал издание этой прокламации легкомыслием и мальчишеством, Бакунин же думал, что небольшая кучка «головорезов-смельчаков» только спугнула врагов, но не сделала им в сущности никакого вреда.

Кто же были эти смельчаки-головорезы, до смерти напугавшие царя и вызвавшие волнение во всех подлинных группировках того времени, смельчаки так и оставшиеся неразсысанными царским правосудием?

Царские жандармы были бы конечно очень удивлены, если бы им сказали, что Центральный революционный комитет находится в их власти, что авторы этой прокламации — студенты — сидят в Гварском частном доме в Москве, уже осужденные на разные сроки по делу о первой вольной типографии; бессрочная каторга и может быть Шлиссельбург были бы обеспечены этим смельчакам, если бы напавшие в их среде предатели, если бы царская охранка допытывалась, кто автор «страшной бумаги».

Только в 1923 г. исследователь революционного движения 60-х годов М. Лемке опубликовал документ, устанавливающий историю авторство «Молодой России». Документ этот — письмо П. Г. Зайцевского, организовавшего в начале 60-х годов революционный кружок и затем судившегося по делу издательского и польской типографии. Письмо это писано в 1889 г. на имя некоего «Андрея Михайловича»:

«... На ваш ряд вопросов не могу отвечать, как бы требовалось, по пунктам, потому что кое-что забыл, а кое-что и не представляю себе. «Молодая Россия» писали ячи мои товарищи по заключению. Припомнить долю участия каждого не берусь — написал аз многогрешный, прочел, выправил общими силами, проглатал и отправил для печатания чрез часового. Солдатик этот потом несколько раз встречался мне в Орле и только тогда узнал я его имя: Матвей Сидорович Стрелков — тотня нашего почтальона, вызвавшегося дать ход нашему произведению. Знали ли мы тогда современную европейскую социалистическую литературу? Кое-что читали, кое-что слышали, но ничего основательно усвоено не было.

Чернышевский и Герцен.

«...в ней много таких лозунгов, которые превтены или превтвораются в жизнь чрез с лишком 50 лет Октябрьской революции: тут и предсказание, что Россия «первой выпадет на долю осуществления великого дела социализма»; тут и федеративная социалистическая республика, на основе самоопределения национальностей, и признание, что только при помощи революции может быть осуществлен социалистический строй; тут и предсказание, что все партии, теперь оппозиционные, объединятся против социальной революции; тут и требование организации общественных фабрик, общественной торговли и национализации земель и конфискации церковных богатств, и общественного воспитания детей, и признание необходимости для свершения революции строго централизованной партии, которая после переворота яч навозможном скором времени заложит основы «нового экономического и общественного быта» при помощи диктатуры, регулирующей выборы в национальное собрание так, чтобы в состав его не вошли сторонники старого порядка. Все это — идеи Октябрьской революции; хватает только одного — пролетариата, который все это в действительности и совершил, но понадобилось еще 20 лет после появления этой прокламации, чтобы было осознано у нас в России значение и роль пролетариата» (С. Мишнев «Пролетарская революция», М. 6-7 за 1923 г.).

А. Кудрейко

Звездой бором с $\frac{1}{2}$ земшараты, пятилетка, на $\frac{1}{2}$

5 лет в пятиугольной аэзии,

в угле,

в лесах,

в колосках,

и в металле,

сверкая отблеском багровым яру

и верный путь

отметив прямотой.

Но по-волеуму

тяжка работа

услышим

мы соладаем с ней.

Мы знаем

это будущего крепость!

И мы в заюбах бьем...

Стремительно на редкость

Вагончики

мы катим за ворота,

под пылью угольной

вороней коней.

Мы знаем,

нам приказывают темпы

как бить кайлом,

вести флорзон, крепясь.

Взвучив рубльнич,

вскинув молоток,

Мы знаем —

чернотой кипишиг тож

трассет врагов, предастел...

О, тем бы

в бессильной злобе

корчиться от язи!

Их подпевал у нас

мы не желеем,

мы яростным их потчнем огнем.

Сплетается борьба с трудом

и в этом —

там ночь сама,

где все залито светом,

где по соседству

с волкой и елеем

обрез нередко

наголове днеш.

Крепчает труд.

Сквозь полночь по Союзу

огням

похлают корпуса.

В труде успехов крепкая опора!

Мы уясним,

ряды свои крени!

Работаем,

уныные, как обузу,

свергая

и ровня гобса.

Республикан!

Сухим мы держим порох,

чтоб (если нужно)

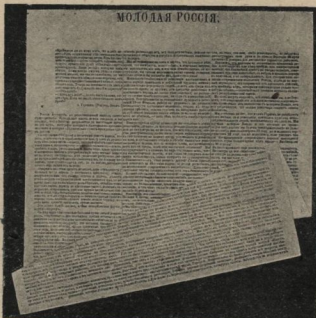
драться за тебя!

«Народное восстание близится. Пусть поймет это публики и пусть помнит. Пусть — сообразит теперь, что редакция, порожденная ее спасениями, поддерживаемая ее легковерием, дает восстанию черного народа характер столь свирепый, что никакие условия революционеров не будут и постановки ни смитить переводора, ни положить ему пределов.

«Мы, революционеры, т. е. люди, не проводящие переводора, а только добываяе народ настолько, чтоб не покинуть его, когда он сам, без нашего возбуждения, ринется в борьбу, мы умоляем публику, чтобы она помогла нам в наших приготовлениях смитить готовящегося в самом народе восстание. Нам жаль образованных классов; против их уменьшитель грозящую им опасность. Но для этого нужно, чтобы публики сделалае более хладнокровна и менее легкомысленна, чем каково выказала она себя в силнейших о пожарах («Предостережение»).

«Помни же, молодежь, что из тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стать во главе движения, что на тебя издается революционная партия! Будь же готова и своей славной деятельности, смотри, чтоб тебя на застави врасплох! Готовься, а для этого собирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайные общества, с которыми Центральный революционный комитет сам постарается войти в сообщение, рассуждайте больше о политике, усильте себе современное положение общества («Молодая Россия»).

Одно могу сказать определенно: марксистине еще не читали, а «Манифеста» не видали до 1884 г., когда я узрел его впервые в русском издании. Кто и зачем исклочки гонение брака и семьи — вопрос трудный. Сколько ни думаю, сколько ни ворочу в своей памяти, не могу точно ответить, несмотря на ваши усиленные просьбы «напрочь все свои силы». Кажется сейчас, спустя почти тридцать лет, что эта мысль была подана поштом Гольд-Миллером¹, а нам поправилась, как издательница порция пороха, которого искали тогда и хотели нагромоздить столько, чтобы всем либеральным и реакционным чертам стало тошно. Хотелось наконец сказать ту правду, которую кто боится, кто не мог, а кто и не хотел выкрикнуть. Фальшивили, врали, ожидали блага сверху; так было противно, так было гнусно, что если бы не мы, так за нами то же самое сделали другие»².

Провлаиация «Молодой России».

В 5-й, 6-й и 7-й книжках «Каторги и ссылки за это год напечатаны статьи Б. Козьмина, объединяющие все известные до сих пор материалы о кружке Зайчневского и Артурово и о «Молодой России». Поучител тов. Козьмин рассматривает очень интересный и спорный вопрос о принадлежности кружку Зайчневского известной прокламации «Предостережение», рукопись которой была найдена при обыске в Петербурге в июне 1892 г. у студента Баллода, организатора «карманной типографии».

Прокламация эта имела целью оградить революционеров от возведенного на них обвинения в том, что они «жгут Петербург», и пыталась смитить влечетеление, произведенное в обществе яковинской «Молодой России» и аведомии пожарами.

Версия о принадлежности «Предостережения» авторам «Молодой России» исходила очевидно из следующих данных. Во-первых, из показаний Баллода, который заявил, что рукопись «Предостережения» была ему передана для напечатания неизвестными лицами, которые отрекомендовались членами Центрального революционного комитета и авторами «Молодой России». Показание в о ивно вымгмименно Баллодом с целью внести в заблуждение III отделение. Авторы «Молодой России» сидели в это время, как мы знаем, под арестом.

Во-вторых, повеление «Предостережения» совпадало с якобы отрицательным отношением х «Молодой России» Чернышевского. Прямым высказыванием Чернышевского по этому поводу нет, но есть указание в мемуарной литературе, что Чернышевский прислал в Москву видного революционного деятеля той эпохи и одного из основателей общества «Земля и воля» А. А. Слепцова, уговорить комитет спладить как-нибудь крайне неблагоприятное впечатление, произведенное «Молодой Россией». Ученчалась ли миссия Слепцова успехом или нет — неизвестно, но эти «улики» дали основание Лемке, а за ним и другим историкам (например Ю. Стехову) приписать «Предостережение» перу Зайчневского и его товарищей.

Тов. Козьмин очень тщательно и серьезно разобрал все основания для такого предположения и путем сопоставления целого ряда мемуарных данных, и в особенности содержания обоих прокламаций, пришел к бесспорному заключению о непричастности Зайчневского к написанию «Предостережения».

¹ Продолжение на 16 стр.

² О Гольд-Миллере см. «Круги в Революцию» № 21—22, стр. 41—42.
³ См. М. Лемке, «Политические процессы в России 60-х годов», ГИЗ, 1923.

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО КИТАЮ

К. Керт

По трудно проходимой горной тропе в долину спускается небольшой отряд людей одетых и вооруженных людей. На двух или трех—одна винтовка, у большинства только ножи или топоры. Задние, сменив, тащат на себе пару древних пукетов, Глубокой ночью отряд подходит к небольшому городу, обнесенному стеной. Единомышленники в городском населении—подпольная коммунистическая организация—открывают ворота. После боя на улицах города, бой, в котором принимает участие вместе с вошедшим повстанческим отрядом городская беднота, особенно молодежь, немногочисленный гарнизон славет или бежит, в на несколько часов, дней или недель над городом вспыхивает красное знамя. На скорую руку ликвидируется персонал старого режима, сжигаются официальные архивы с кучками крепостных и другими хитрыми рабства китайского крестьянства—конфискуется имущество наиболее заметных богачей, ростовщиков и помещиков, вкладывается контрибуция на остальных. Немедленно организуется советская власть—власть рабочих, кулаи и крестьян, которая, если есть время, вводит свои порядки, передает землю, переприватизирует имущество. Затем, рано или поздно, выславшая разведка доносит о приближении 2-векосидных сил реакционного генерала и с боем или без боя, в зависимости от обстоятельств, повстанческий отряд уходит обратно в горы для того, чтобы через некоторое время совершить новый набег.

Таков вчерашний день китайской рабочей-крестьянской революции. Партизанское движение собирает в себя все новые десятки тысяч обнищавшего, изголодавшегося, до ярости озлобленного крестьянства. С горных троп и проселочных дорог советская революция уже вышла на большие тракты. Сливаясь, как торные ручейки, повстанческие отряды в ряде районов образовали мощные воинские объединения, корпуса китайской красной армии. Таких корпусов насчитывается больше полутора десятков. Эта красная армия, вооруженная винтовками и артиллерией, отбитой у противника, выдвинувшая талантливого военного руководство, спавшая единой по своим методам и методам политической организации, не должна более ограничиваться наемными на глупые угли; ей не приходится уклоняться от столкновения с регулярными войсками реакционной гоминдановской армии. Целые громадные районы прочно освоены советской властью; в них уже месяцами не видели гоминдановских солдат. Опираясь на эти советские территории, корпуса красной армии предпринимает широкие военные операции, наступают, грмя гоминдановскую солдатчину, в нескольких направлениях сразу; захватывают один за другим ряд крупных центров, включая провинциальную столицу Чанша с ее полу-миллионным населением. Красная армия не ограничивает более своих операций отдаленными внутренними районами—она смело выходит к берегам великой реки Янцзы, этого спинного хребта Китая, и перерезает

сообщение на железных дорогах, ведущих в главные центры страны.

На Янцзы красная армия вступает в непосредственное столкновение с империалистами, военный флот которых крейсирует по берегам этой реки и ее притоков. Враги легко находят друг друга: при первом же соприкосновении иностранные военно-морские силы открыто вступают в войну между китайской революцией и китайской реакцией на стороне этой последней. Английские, американские, японские, французские и итальянские канонерки и крейсера беспощадно бомбардируют гряды и высыпают против них свои десанты. Чанша, когда она находится в руках красных частей, подвергается ураганному артиллерийскому обстрелу с иностранных судов, обстрелу, который причиняет городу громадные разрушения. Интервенция осуществляется совершенно открыто; сама империалистическая печать хвастается действительную ролью иностранных судов и их артиллерии, без помощи которых—по ее же собственному признанию—красным не удалось бы отступить.

Где корни этого героического наступления красных?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, не надо идти далеко. В любом китайском городе можно натолкнуться на характерные признаки громадной голодной толпы, стурмуемой и грюмшей рисовые лавки. Такая же толпа собирается на городских свалках, расквашивая отбросы и с жадностью набрасываясь на все, хотя бы в отдаленной степени съедобное. Ибо в китайских городах чудовищная безартиста и голод, свирепый голод, являющийся следствием все углубляющейся хозяйственной разрухи, которая в свою очередь порождена хозинианием империалистов, милитаристов, феодалов и ростовщиков. Поговорите с уличным рикшей—человеком-лошадью. Он расскажет

вам, что ежедневно десятки его собирать лишают себя жизни, предпочитают самоубийство голодной смерти. Загнанные в бесчисленные кустарные мастерские, где люди производят, торгуют, едят и спят на одном и том же полу; работы и хлеба становится с каждым днем все меньше. Загнанные наконец в сравнительно немногочисленные еще крупные фабрики и заводы, в которых тысячи изможденных и полу-голых мужчин, женщин и детей—главным образом детей, начиная с пятилетнего возраста—работают по 14, 16, 18 часов в день за ничтожную заработную плату, на которую невозможно досата наесться, работая под наблюдением вооруженных надсмотрщиков, готовых всяминуту пустить свое оружие и кулаки, и под опекой старшинок и мелких подрядчиков, урывающих себе лишнюю долю жалкого рабочего заработка. На этих заводах и фабриках царит грозная атмосфера, грозная потому, что чудовищный винт колониальной эксплуатации завышен до отказа, потому, что рис каждый день подымается в цене и заработок все уменьшается, и потому, что рабочие массы, которых ждет вырождение, если не голодная смерть, не хотят больше мириться со своей долей.

В деревнях, на необработанной китайской равнине—атмосфера здесь более насыщенная грозой. Китайский крестьянин всегда недоделал и почти всегда голодал; земной китайская деревня как вымершая: обитатели жалких глиняных лагуз забивались в свои норы и камушки—отсекаются, законом искусственную энергию и пищу. Но в прошлом году в одной только провинции умерло от голода два миллиона людей и многим миллионам грозит гибель этой зимой.

В китайской деревне идет форменная гражданская война. На одной стороне—

На снимках: вверху—китайская буржуазия бежит от красных войск; внизу—китайские войсками Чан Кай-ши рабочие города Чанша.

весь сонм эксплуататоров; на другой — рядовые крестьяне и крестьянская беднота. Замечательна яркая расклевка об этой войне корреспондентки американской журналистки Агнессы Смедли, представляющей в Китае одну буржуазную немецкую газету. Мисс Смедли отправилась с несколькими друзьями в один из «свободных» сельскохозяйственных районов, неподалеку от промышленного города Узи и близости от Шанхая.

Пароходик, на котором иностранцы ехали по реке, был переполнен крестьянами, смотревшими на них во все глаза и толковавшими друг с другом подшопотом. Отдельно сидел высокий человек в богатом платье, рядом с которым был вооруженный солдат-телохранитель. Это оказался глава семейства местных богатеев по фамилии Чау — местный помещик, известный во всей округе под кличкой «кубицы коммунистов». Он предложил группе иностранцев свое гостеприимство.

В маленьком городке, до которого доходят пароходик, они были встречены на пристани несколькими вооруженными солдатами. Солдаты принадлежали к местной милиции, созданной на средства помещиков для терроризирования крестьян. Под охраной этих солдат помещик и его гости были проведены в помещение местного правительственного органа, где «кубица коммунистов» была, разумеется, как дома. Оттуда они двинулись пешком в деревню, где помещик имел свое жительство. Солдаты возглавляли и замыкали шествие, встречные крестьяне гавкали волами.

Сбоку показалась бамбуковая роща; солдат тихим голосом объяснил, что там два года тому назад собрался вооруженные крестьяне, попытавшиеся было поднять восстание против помещиков и властей. Восстание это было задушено. Тот же солдат рассказал, что семейство Чау и их вооруженные наемники занимаются тем, что вылавливают и убивают крестьян, которые подозревают в симпатиях к коммунизму и в опасных замыслах. Два дня тому назад они поймали и расстреляли двоих, а накануне готовились поймать еще двоих, но те во-время скрылись. Сейчас семейство Чау очень озабочено: они рыщут по окрестностям, разыскивая приехавшего, по их сведениям, коммунистического агитатора, «но», — добавил солдат со вздохом, — крестьяне — хитрые дивилы и запертали приезжего так гаубоко, что его нельзя найти.

Деревня Чау оказалась состоящей исключительно из покосных домов числом около двадцати. Она господствует над окружающими полями и окружена со всех сторон баррикадами из колоченой проволоки, позвизг которых прохлывает вооруженные насады. За колоченой проволокой оказалась настоящие окопы. Дом, в котором американская журналистка получила ночлег, был похож на срединекопейский замок. Как и следовало ожидать, хозяин его не только помещик, но и представлял политическую власть округа и сорбшик налогов. Дом был полон солдат и саут. Откуда-то снизу доносился знон — это гремели кандалы на руках и ногах двух крестьян, только что пойманных асемуощи Чау и посаженных на ночь в подвал. Утром американская журналистка присутствовала при допросе одного из этих крестьян; допрос шло при участии сына дома, опаснейшего брата с музеем поберз длинного шелкового платья. Закованный в кандалы крестьянин был затем увезен; он должен был указать местонахождение агитатора или кого-то из крестьянских вождей.

На другой день мисс Смедли посетила, в сопровождении телохранителя, соседние деревни, населенные арендаторами се-

Stimmt für Sowjet-Deutschland!

„und drohende faschistische Diktatur!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„mit Land!“

„Die Junge Garde“ wird „ESZEN“

На снимке: плакат, призывающий молодежь подписываться на „Юнге Гарде“.

«Юнге Гарде» — еженедельная газета германского Комсомола

Германский союз — самая крупная после ВЛКСМ организация, одна из активнейших секций Коммунистического Интернационала молодежи, отменяющего сейчас 11-ю годовщину своего существования. Переход еженедельной газеты союза «Юнге Гарде» на еженедельный выход является лучшим свидетельством роста лучшего союза, лучшим доказательством того, что союз идет правильными, большевистскими путями, борясь с правыми оппортунистами и левыми сектантами.

Наш пламенный привет газете молодых большевиков «Юнге Гарде». Мы всем обещано на деле, практически помогаем газете в ее работе.

ЗА СОВЕТСКОЙ ГРАНИЦЕЙ

Новая нью-Йоркская тюрьма, построенная по последнему слову техники.

Ливадия бразоботцы по-американски.

Калифорнийские „фардоны“ не отстают от нью-Йоркских.

Полиция арестовала коммунистического депутата чехо-словацкого парламента.

В Тонно (Ялония) арестовано 35 коммунистов. Арестованных коммуниаров ведут в суд.

167

